
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 340.1

ПРАВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В. Н. БИБИЛО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Деятельность людей осуществляется в рамках устоявшихся социальных структур. Каждый вид социальных норм обладает своими регулятивными возможностями. Среди них праву принадлежит приоритетная роль, поскольку на него возлагается миссия по обеспечению самосохранения общества. Продолжает оставаться актуальным вопрос о выработке общепринятого определения права как явления. Предлагаются различные концепции правопонимания. Исходными служат идеалистические или материалистические представления о нем. В законодательстве закреплено право абстрактного субъекта. В процессе правоприменительной деятельности к правоотношениям присоединяются иные социальные регуляторы, в результате такого симбиоза формируется индивидуальное право субъекта.

Ключевые слова: право; социальные нормы; государство; субъект; индивидуальное право.

Образец цитирования:

Бибилло В.Н. Право в системе социального регулирования. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2023;3:3–9. EDN: FAABJA

For citation:

Bibilo VN. Law in the system of social regulation. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023;3:3–9. Russian. EDN: FAABJA

Автор:

Валентина Николаевна Бибилло – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета.

Author:

Valentina N. Bibilo, doctor of science (law), full professor; professor at the department of criminal procedure and directorate of public prosecutions, faculty of law. zagorovskaja@bsu.by

LAW IN THE SYSTEM OF SOCIAL REGULATION

V. N. BIBILO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

People's activities are carried out within the framework of established social structures. Each type of social norms has its own regulatory capabilities. Among them, law has a priority role, since law is entrusted with the mission of ensuring the self-preservation of society. The issue of developing a generally accepted definition of law continues to remain relevant. Various concepts of legal understanding are proposed. The starting point for understanding law is idealistic or materialistic ideas about it. The right of an abstract subject is enshrined in legislation. In the process of law enforcement activities, other social regulators are also involved in legal relations, and as a result of such symbiosis, the individual right of the subject is formed.

Keywords: law; social norms; state; subject; individual law.

Человеческое общество представляет собой целостное образование из различных структур, интегрированных в единую социальную систему, целями которой являются поддержание и сохранение соответствующего уровня цивилизации, упорядочение взаимоотношений между людьми. Динамичное развитие социума способно изменить его облик через корректировку отдельных компонентов базовых ценностей. При этом возможно поддержание определенных стандартов, традиций жизни общества, оформленных в конкретном государстве. В связи с этим важно развить общественное, групповое, профессиональное и индивидуальное сознание в восприятии и передаче социальных норм, которые направляли бы поведение людей, не выходящее за пределы социокультурных ценностей.

Деятельность людей осуществляется в рамках устойчивых социальных структур (общества, трудового коллектива, семьи и т. д.). Человек вынужден подчинять собственное поведение социальным нормам, присущим отдельным сообществам. Каждый вид социальных регуляторов (право, мораль, обычаи, традиции, религиозные нормы и т. д.) обладает своеобразными чертами, позволяющими ему реализовывать регулирующее воздействие.

По мере развития социума происходит его универсализация. Оказывается, что нет людей, стоящих вне общества. В любом случае порядок в социуме возникает из хаоса различных побудительных мотивов, интересов, потребностей и желаний. В результате создается новая реальность, обеспечивающая прогресс или регресс общества.

В основе социального регулирования общественных отношений лежит типизация поведения человека, т. е. многократное использование правил деятельности. Есть еще один существенный фактор – рациональность варианта поведения, что заметно проявляется в социальных нормах.

Социальные нормы, как правила взаимодействия людей в обществе, соответствуют определенному типу культуры, исходя из особенностей организации общества. Им присущи по крайней мере три функции: регулятивная функция (устанавливать правила поведения), оценочная функция (выступать крите-

рием отношения к тем или иным действиям людей в обществе) и трансляционная функция (сохранять опыт, культуру и передавать их в будущее через образование, воспитание). Развитие науки и техники приводит к дальнейшим преобразованиям в укладе жизни общества, причем это уже заметно по изменению соотношения между традиционными социальными регуляторами. В качестве примера можно привести не только зарождение, но и определенное упрочение легальной этики, применяемой как в частной, так и в публичной сфере деятельности людей. Появление международных документов, касающихся этики поведения должностных лиц и членов профессиональных сообществ, послужило основой для принятия аналогичных кодексов (правил профессиональной этики) в ряде современных государств. Экспансия морали в сферу права стала постепенно углубляться. Надо также учитывать возможности локального правового регулирования. Тем самым происходит расширение границ правового регулирования. Кроме того, наблюдается интенсивное социальное регулирование технических устройств и природоподобных технологий, что ставит вопрос об их статусе. В результате алгоритмизации социального регулирования право неизбежно приобретет новый облик. Более того, на доктринальном уровне уже обсуждаются проблемы, связанные с персонализацией права, созданием права применительно к конкретному индивиду [1, с. 5–17]. Однако это не приведет к подрыву основополагающих принципов права.

По мнению П. А. Сорокина, «человеческое общество, вся культура и вся цивилизация в конечном счете представляют собой не что иное, как мир понятий, застывших в определенной форме и в определенных видах...» [2, с. 528]. Белорусский философ второй половины XX – начала XXI в. В. С. Степин назвал данное явление картиной мира и определил его так: «Картина мира, как и любой познавательный образ, упрощает и схематизирует действительность. Мир, как бесконечно сложная, развивающаяся действительность, всегда значительно богаче, нежели представления о нем» [3, с. 189]. Предложенное понятие стало широко использоваться в юриспруден-

ции. Применительно к социальному регулированию общественных отношений И. Л. Честнов отмечает, что именно картина мира, как коллективная память, образует набор типизированных моделей и социальных представлений об окружающих объектах и определяет способы поведения людей [4, с. 77].

Одной из сторон картины мира является правовая картина мира, или, иначе, правовая реальность. По словам С. И. Максимова, в онтологическом аспекте правовая реальность – существующий мир права, а с методологической точки зрения – идеальная модель, служащая средством познания и конструирования этого мира [5, с. 147]. Несколько иной позиции придерживается А. В. Стомба. Он предлагает различать правовую реальность в широком и узком смыслах. В широком смысле правовая реальность – это совокупность правовых феноменов (норм, отношений, институтов и т. д.). При узкой трактовке данной категории один из указанных элементов принимается в качестве базового, а остальные мыслятся производными [6, с. 25].

Категория «правовая реальность» объединяет явления объективного и субъективного характера. В конструировании правовой реальности участвуют общество в целом и конкретный человек в частности. В связи с тем, что в обществе функционируют различные социальные регуляторы, для уяснения правовой реальности важно отграничить право от иных социальных норм. И хотя это отграничение несколько условно, поскольку все социальные нормы воздействуют на субъект (в данном аспекте объект) сообща, тем не менее право более наглядно ввиду своего принудительного характера, причем на уровне государства (общества). Кроме того, право по своей природе является более определенным, к тому же оно ориентировано на эквивалентность в правоотношениях. В юридической литературе верно обращено внимание на то, что правовая реальность выражается на уровнях правотворчества, правореализации, а также правосознания (соответствующего правового поведения при отсутствии конкретных норм права). Итогом данного симбиоза выступает формирование правопорядка в конкретно-исторических условиях [7, с. 56–57].

К какому типу объектов относится право? Право – это теоретический объект, или теоретический объект, соотносимый с эмпирической реальностью, или лишь лингвистический термин? Заметим, что в зависимости от ответов на поставленные вопросы строятся теории правопонимания.

Выявление понятия, сущности и природы права возможно и необходимо. В современных условиях продолжает оставаться актуальным вопрос о выработке общепринятого определения права как явления. Предлагаются различные концепции правопонимания. При этом за исходную точку берется божественная или государственная воля либо их объединение. Основополагающими являются клас-

сические и постклассические теории. В их пределах развиваются соответствующие подходы к пониманию права. К классическим теориям относятся естественная теория права (юснатурализм) и юридический позитивизм (юспозитивизм). Главным здесь выступает верное истолкование воли, исходящей от государства или принадлежащей человеку в соответствии с его прирожденными правами. Постклассические теории права представлены коммуникативной, антропологической, инструментальной, интегративной, либертарной и другими теориями. Им присуще общее свойство: названные теории объясняют право собственной волей человека, т. е. именно человек, его поведение являются причиной и источником права. При этом самую важную роль здесь играют субъект права и его взаимоотношения с другими субъектами. Если обобщить различные типы правопонимания, то, как правильно отмечает И. Л. Честнов, их можно разделить на три группы: юснатурализм, юспозитивизм и социологию права [8, с. 94–98].

Причин наличия плюрализма научных концепций о сущности и природе права много. Среди них можно выделить следующие: 1) исторические причины (понимание права на разных исторических этапах развития общества не было однозначным, что обусловлено особенностями общества); 2) экономические причины (право выражает интересы различных социальных групп); 3) философские причины (сущность права сопряжена с разными типами философского мировоззрения); 4) географические причины (зависят от месторасположения государства с учетом национальных, религиозных и других традиций, присущих населению той или иной страны); 5) многогранность правового регулирования (право соотносится с экономикой, политикой, культурой, и обеспечить его связь с иными социальными нормами сложно) [9, с. 142–143].

Концепции правопонимания особенно активно возникали и изменялись в эпоху революций, войн, смены общественно-экономических формаций, упрочения нового общественного строя, что наглядно проявилось в периоды развития советской государственности, укрепления советского права, распада Советского Союза.

Исходными в понимании права являются идеалистические или материалистические представления о нем. Идеалистические представления основываются на том, что идея права возникла априори, была дана человеку извне с момента его рождения, а материалистические представления – на том, что право представляет собой результат совместной деятельности, человеческой практики. В связи с этим можно полагать, что социальная жизнь порождает право. Люди не способны построить общество без взаимодействия между собой, что, в свою очередь, невозможно без определенного порядка поведения. Именно право оказалось общеобязательным

для людей. Оно необходимо человеку как наиболее приемлемый и им же сформированный способ воздействия на общественные отношения, в которых заинтересованы люди. А. В. Егоров верно обратил внимание на объективацию права как на механизм выражения его сущности, проявляющейся в нормативности (типизации поведения людей), официальности (санкционировании права государством), формальной определенности (степени абстрактности норм права) [10, с. 34]. Право, таким образом, посредством норм обеспечивает систему, целостность общества и государства. Возникает следующий вопрос: как из системы социальных норм выделить нормы права? При этом надо исходить из конкретно-исторических условий. Следует учитывать, что нормы права действуют в системе, главная цель которой – обеспечение самосохранения общества. Именно в этом состоит ценность права. Другие социальные нормы, например религиозные, способны лишь локально поддержать определенное единство поведения людей. Представителям государственной власти необходимо помнить о приоритетах правового регулирования, исходя из конкретно-исторических условий. В истории государства и права были периоды, когда появлялись мертворожденные нормы, которые не применялись и не могли применяться при сложившихся в обществе условиях. Народ или игнорировал их, или массово нарушал. Памятники права выступают зеркалом государства в целом и общества в частности, поскольку в них отражены в виде норм сведения, касающиеся экономики, культуры, классов и сословий, а также общественно-политические идеи.

Рассматривая проблемы сферы правового регулирования, В. В. Лазарев пишет следующее: «Нигде в мире не утверждается о выполнении правом своей миссии. История продолжается. Но господствует в мире скорее антиправо, или, принимая понятия Гегеля, “неправо”. Причем господство это выходит на опасный уровень, когда “неправо”, вопреки логике и всеобщности, получает закрепление в законах и подзаконных актах. Неправовые законы становятся обыденной реальностью» [11, с. 10].

Термин «неправо» – неологизм, пришедший из учения Г. В. Ф. Гегеля как антипод права. Чтобы установить его суть, надо знать, что такое право. Г. В. Ф. Гегель дает следующее определение права как явления: «Право состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли. Тем самым право есть вообще свобода как идея» [12, с. 89]. Следовательно, Г. В. Ф. Гегель выделял право как волю и право как идею. Взаимосвязанные, они находятся в диалектическом единстве. В заметках к параграфу 29 труда «Философия права» Г. В. Ф. Гегель писал следующее: «Право являет себя в ближайшем представлении как возможность делать что-либо или не делать чего-либо. Я не совершаю ничего неправого, если я не даю силу моему праву только не

нарушать право другого» [12, с. 393]. Здесь право как воля выражается в деятельности (действии или бездействии), ограниченной наличием воли других лиц, т. е. уважением к этой воле. Это своего рода мера, предел права. Одним словом, в объективном смысле право определяется как всеобщая воля, а право как воля понимается в качестве ближайшего представления о праве. Свобода действительна только тогда, когда она осознана лицом через право, т. е. свобода не есть произвол, вседозволенность.

В. В. Лазарев, интерпретируя тезис Г. В. Ф. Гегеля о свободной воле, отмечает, что идея права пребывает в себе, затем она осознана необходимость выражения в объективном мире и, наконец, свободно самоопределившись, воплощается в реальных общественных отношениях. Осуществление свободы такой волей вовне – это и есть право, по мнению Г. В. Ф. Гегеля. Отсюда вытекает следующий вывод: «Регулирующую функцию исполняет самоопределяющаяся воля лица» [11, с. 13].

Безусловно, более наглядно, когда право исходит от высших органов государства и оформляется в виде нормативных правовых актов. В. В. Лазарев полагает, что «если... принять доктрину широкого понимания права, то надо будет устанавливать регулирующие возможности не только по отношению к нормам, но и по отношению к правоотношениям и правосознанию» [11, с. 14].

Рассматривая право как волю и идею права применительно к абсолютному духу (идеальной субстанции), Г. В. Ф. Гегель не отрицал значения законодательства, а наоборот, наделял его особой ролью, отмечая, что «правители, которые, подобно Юстиниану, дали своему народу... собрание законов... не только стали величайшими благодетелями народов и с благодарностью восхвалялись ими, но и совершили этим великий акт справедливости» [12, с. 253].

С. И. Максимов, оценивая позицию немецкого правоведа Г. Радбруха, в соответствии с которой идею права составляют три основные ценности (справедливость, правовая определенность и целесообразность), пришел к выводу о том, что на каждой из них базируется определенный тип правопонимания: естественная теория права (юснатурализм), правовой позитивизм (юспозитивизм) и социологический подход к праву. Кроме того, эти ценности отражаются в трех категорических принципах права (жить честно, не обижать другого, каждому воздавать должное), происходящих от учения римского юриста Ульпиана (ок. 170–228). Право защищает универсальные ценности, которые в совокупности образуют идею права [13, с. 141–142].

Идея права, как и другие идеи, зарождалась в сфере сознания человека. Именно от него исходят представления о справедливости. По утверждению А. И. Экимова, «справедливость выступает как своего рода отражение многообразных интересов, поэтому представления о ней столь же изменчивы, как

и представления об интересах» [14, с. 51]. Стремление к справедливости прослеживается на протяжении всей истории человечества, поскольку оно обусловлено природой людей. Однако для каждой эпохи общественные отношения оцениваются как справедливые в той мере, в какой они исторически необходимы и практически возможны сообразно условиям жизни.

Справедливость можно назвать врожденным свойством человеческого сообщества. Ее сердцевиной в позитивном праве является равенство всех перед законом, что составляет фундамент правотворчества. Объективное право, исходящее от государства в форме законодательства, предполагает ориентацию на справедливость. Представления о справедливости постепенно вовлекаются в сферу правового регулирования.

Основополагающее понимание справедливости заложил Аристотель. По его мнению, термин «справедливость» означает «в одно и то же время как законное, так и равномерное» [15, с. 246]. Все, что установлено законом, в известном смысле справедливо, нарушение же закона – это первый вид несправедливости. Аристотель выделял два вида справедливости – справедливость, относящуюся к области права, и справедливость, проявляющуюся в сфере взаимодействия людей [15, с. 247–255]. Развивая идеи о справедливости, Х. Перельман предложил изучать ее на трех различных уровнях, а именно на уровне поступка, на уровне правила и на уровне деятеля: «Справедливый поступок – это исправление, отрицание неравенства. Справедливое правило – это разумность, отрицание произвола. Справедливый человек – это совесть, отрицание бесчеловечности» [16, с. 224].

Справедливость по своей природе носит объективно-субъективный характер. Ее объективный характер обусловлен тем, что, как отмечает О. Хёффе, справедливость реализуется в социуме посредством совместных усилий государства и гражданского общества [17, с. 152–153]. По мнению Д. Ролза, «главный субъект справедливости – базисная структура общества» [18, с. 22]. Одновременно справедливость субъективна, поскольку она основывается на правосознании, морали и традициях, т. е. социальных нормах, присущих обществу на соответствующем этапе развития и усвоенных человеком [19, с. 95].

Раскрывая суть чистого учения о праве, Г. Кельзен стремился доказать, что нет и не может быть объективного критерия справедливости, так как утверждение, согласно которому нечто справедливо или несправедливо, представляет собой оценочное суждение, базирующееся на эмоциональных элементах сознания человека, его переживаниях, желаниях и предпочтениях. Такое утверждение не верифицируется фактами [20, с. 233–234]. Созвучные идеи высказывал создатель психологической теории права Л. И. Петражицкий, оценивавший справедливость

как фундамент для формирования интуитивного права – идеального права [21, с. 403], которое основывается на эмоциях и переживаниях, имеет индивидуальный характер, определяется условиями и обстоятельствами жизни каждого человека, его характером, воспитанием, образованием и социальным положением, а также отличается от позитивного права свободной изменчивостью и применимостью в контексте исторического развития [21, с. 383].

Следует иметь в виду, что в реальности люди не всегда следуют праву и неправу, как зло, не полностью искоренимо. Это объясняется несовершенством как отдельных людей, так и общества, государства. Одним словом, в неправу есть воля, но нет права. Более того, эта воля противопоставляется праву. Неправо преодолевается правом и только им. Право действует независимо от неправы. Г. В. Ф. Гегель выделял три формы неправы: непреднамеренное (простодушное) неправу (человек из-за невысокого уровня правосознания не способен различать правомерное и неправомерное поведение), обман (субъект поступает якобы сообразно праву, стараясь убедить других в правомерности своего поведения, а на самом деле совершает правонарушение) и преступление, или подлинное неправу (индивид не уважает не только права других, но и свое право) [12, с. 139–145].

Современный исследователь права В. В. Ершов ошибочно полагает, что неправу – это комплекс социальных регуляторов: «Думаю, теоретически более обосновано, а практически – продуктивно к “неправу” прежде всего относить многочисленные социальные регуляторы общественных отношений, воздействующие на отношения, сложившиеся между неопределенным числом их участников либо определенными участниками общественных отношений» [22, с. 92–93]. Конечно, подобного рода социальные регуляторы не являются официальным правом, исходящим от государства и распространяющим свое действие на некоторый круг лиц, но, когда возникают конкретные правоотношения, они подключаются к правоприменительной деятельности и тем самым участвуют в вынесении справедливых правовых актов.

Исходящее от государства объективированное право, устанавливающее статус абстрактного субъекта, тем самым гарантирует его защиту, в том числе с помощью своей принудительной силы. При этом персонифицированный субъект может реализовать свое право (право истца, ответчика, потерпевшего и т. д.) путем соответствующего поведения. И тогда это субъективное право через правоустановительную (правоприменительную) деятельность компетентных органов превращается в индивидуальное право субъекта. Само по себе субъективное право абстрактно, поскольку оно адресуется неопределенному кругу лиц. Но как только субъект права через правоотношения, а также посредством своего правосознания и правосознания правоприменителя начинает его

реализовывать, субъективное право становится правом конкретного человека, его индивидуальным правом, за которое он может бороться незапрещенными способами [23, с. 50].

Следует иметь в виду еще один существенный аспект – удовлетворение законных интересов лица путем использования усмотрения правоприменителя, его дискреционных полномочий. Можно сказать, что субъективное право как бы реализовано, но существует резерв в виде законных интересов и возможности их удовлетворения. Если верховенство закона, как писал Н. В. Сильченко, изначально заключено в его природе [24, с. 230–252], то верховенства права можно добиться посредством борьбы за реализацию субъективного права и удовлетворение законных интересов. Такой правовой статус личности динамично превращается в индивидуальное право субъекта.

Расширение права, принадлежащего субъекту, способно в наибольшей мере гарантировать защиту прав и законных интересов человека, превратить

статичный правовой статус индивида в поистине живое право субъекта, его индивидуальное право. Отсюда неизбежно наличие права, вытекающего из воли субъекта. Нормативное право, исходящее от государства, обеспечивает начало правореализации. Стоит заметить, что естественное право, которое не имеет механизма реализации своих положений, представляет собой больше доктрину, нежели право в собственном смысле. Именно позитивное право, опирающееся на естественное право и формирующее в какой-то мере закон, который можно оценивать как правовой, способно стать источником воли конкретного лица, обеспечивающего идею права.

Правовой статус личности может быть реализован в индивидуальном праве субъекта при условии, что конкретный человек и правоприменитель способны воспринять и оценить возникшую правовую ситуацию. Исходя из этого постулата, к правоприменителю в законодательстве и обществе изначально предъявляются требования, касающиеся его правосознания, правовой культуры и личностных качеств.

Библиографические ссылки

1. Хабриева ТЯ. Идентификация права в современной социальной регуляции. *Вопросы философии*. 2021;12:5–17. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-12-5-17.
2. Сорокин ПА. *Человек. Цивилизация. Общество*. Сидоренко СА, Согомонов АЮ, переводчики; Согомонов АЮ, редактор и составитель. Москва: Политиздат; 1992. 543 с. (Мыслители XX века).
3. Степин ВС. *Теоретическое знание: структура, историческая эволюция*. Москва: Прогресс-традиция; 2000. 744 с.
4. Честнов ИЛ. Методологическое значение обыденной юридической картины мира. *История государства и права*. 2021;7:77–80. DOI: 10.18572/1812-3805-2021-7-77-80.
5. Максимов СИ. *Правовая реальность: опыт философского осмысления*. Харьков: Право; 2002. 328 с.
6. Стомба АВ. *Правовая ситуация как исток бытия права*. Харьков: Диса+; 2006. 176 с.
7. Скоробогатов АВ, Краснов АВ. Правовая реальность России: понятие и структура. *История государства и права*. 2017;7:54–58. EDN: YKKOFV.
8. Честнов ИЛ. *Теория государства и права*. Москва: Инфра-М; 2020. 233 с.
9. Власенко НА, Муромцев ГИ, Зинковский СБ, Ястребов ОА, Чечельницкий ИВ, Трикоз ЕН. *Теория государства и права*. Клишас АА, редактор. Москва: Статут; 2019. 512 с.
10. Егоров АВ. Интеграционная сущность современного права и его компаративный потенциал. *Государство и право*. 2022;10:31–41. DOI: 10.31857/S102694520013040-5.
11. Лазарев ВВ. Новое видение сферы правового регулирования. *Российская юстиция*. 2022;1:8–15. DOI: 10.52433/01316761_2022_1_8.
12. Гегель ГВФ. *Философия права*. Стоппнер БГ, Левина МИ, переводчики; Керимов ДА, Нерсесянц ВС, редакторы и составители. Москва: Мысль; 1990. 524 с.
13. Максимов СИ. Ценностное измерение права: человеческое достоинство. В: Павлов ВИ, Савенок АЛ, редакторы. *Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования*. Минск: Академия МВД; 2019. с. 140–147.
14. Экимов АИ. Право в контексте справедливости: к методологии исследования. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2013;2:51–61. EDN: QVKCEB.
15. Аристотель. *Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории*. Минск: Литература; 1998. 1392 с. (Классическая философская мысль).
16. Перельман Х. Три аспекта справедливости. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2013;2:211–225. EDN: QVKCIN.
17. Хёффе О. *Справедливость: философское введение*. Кильдюшов ОВ, переводчик; Дмитриев ТА, редактор. Москва: Праксис; 2007. 192 с. (По понятиям).
18. Ролз Дж. *Теория справедливости*. Целищев ВВ, Карпович ВН, Шевченко АА, переводчики; Целищев ВВ, редактор. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета; 1995. 536 с.
19. Библио ВН. *Приговор в уголовном процессе*. Минск: Право и экономика; 2021. 194 с.
20. Кельзен Г. Право, государство и справедливость в чистом учении о праве. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2013;2:226–240. EDN: QVKCIR.
21. Петражицкий ЛИ. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности*. Санкт-Петербург: Лань; 2000. 608 с. (Классики истории и философии права).
22. Ершов ВВ. *Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений*. Москва: Российский государственный университет правосудия; 2018. 628 с.

23. Бибилко ВН. *Теория и история права, судостройства и уголовного процесса*. Минск: Право и экономика; 2020. 510 с. (Серия «Научные труды белорусских ученых»).
24. Сильченко НВ. *Теория верховенства закона*. Минск: Беларуская навука; 2015. 288 с.

References

1. Khabrieva TYa. Identification of law in modern social regulation. *Voprosy filosofii*. 2021;12:5–17. Russian. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-12-5-17.
2. Sorokin PA. *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Sidorenko SA, Sogomonov AYu, translators; Sogomonov AYu, editor and compiler. Moscow: Politizdat; 1992. 543 p. (Mysliteli XX veka). Russian.
3. Stepin VS. *Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical knowledge: structure, historical evolution]. Moscow: Progress-traditsiya; 2000. 744 p. Russian.
4. Chestnov IL. Methodological meaning of an ordinary legal worldview. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2021;7:77–80. Russian. DOI: 10.18572/1812-3805-2021-7-77-80.
5. Maksimov SI. *Pravovaya real'nost': opyt filosofskogo osmysleniya* [Legal reality: the experience of philosophical reflection]. Kharkov: Pravo; 2002. 328 p. Russian.
6. Stovba AV. *Pravovaya situatsiya kak istok bytiya prava* [Legal situation as the source of the existence of law]. Kharkov: Disa+; 2006. 176 p. Russian.
7. Skorobogatov AV, Krasnov AV. Legal reality of Russia: concept and structure. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2017;7:54–58. Russian. EDN: YKKOFV.
8. Chestnov IL. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Infra-M; 2020. 233 p. Russian.
9. Vlasenko NA, Muromtsev GI, Zinkovskii SB, Yastrebov OA, Chechel'nitskii IV, Trikoz EN. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Klishas AA, editor. Moscow: Statut; 2019. 512 p. Russian.
10. Egorov AV. The integration essence of the modern law and its comparative potential. *Gosudarstvo i pravo*. 2022;10:31–41. Russian. DOI: 10.31857/S102694520013040-5.
11. Lazarev VV. A new vision of the sphere of legal regulation. *Rossiiskaya yustitsiya*. 2022;1:8–15. Russian. DOI: 10.52433/01316761_2022_1_8.
12. Hegel GWF. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Stolpner BG, Levina MI, translators; Kerimov DA, Nersesyants VS, editors and compilers. Moscow: Mysl'; 1990. 524 p. Russian.
13. Maksimov SI. [The value dimension of law: human dignity]. In: Pavlov VI, Savenok AL, editors. *Chelovek i pravo: problema tsennostnykh osnovanii pravovogo regulirovaniya* [Man and law: the problem of value bases of legal regulation]. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus; 2019. p. 140–147. Russian.
14. Ekimov AI. Law in the context of justice: towards a research methodology. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 2013;2:51–61. Russian. EDN: QBKCEB.
15. Aristotle. *Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories]. Minsk: Literatura; 1998. 1392 p. (Klassicheskaya filosofskaya mysl'). Russian.
16. Perelman H. Three aspects of justice. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 2013;2:211–225. Russian. EDN: QBKCIH.
17. Höffe O. *Gerechtigkeit. Eine philisiphische einföhrung*. München: C. H. Beck; 2006. 127 S. Russian edition: Höffe O. *Spravedlivost': filosofskoe vvedenie*. Kil'dyushov OV, translator; Dmitriev TA, editor. Moscow: Praxis; 2007. 192 p. (Po ponyatiyam).
18. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [Theory of justice]. Tselishchev VV, Karpovich VN, Shevchenko AA, translators; Tselishchev VV, editor. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta; 1995. 536 p. Russian.
19. Bibilo VN. *Prigovor v ugolovnom protsesse* [Judgment in the criminal process]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2021. 194 p. Russian.
20. Kelsen H. Law, state and justice in the pure theory of law. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 2013;2:226–240. Russian. EDN: QBKCIH.
21. Petrazhitsky LI. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei nrvstvvennosti* [Theory of law and the state in connection with the theory of morality]. Saint Petersburg: Lan'; 2000. 608 p. (Klassiki istorii i filosofii prava). Russian.
22. Ershov VV. *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii* [Legal and individual regulation of public relations]. Moscow: Russian State University of Justice; 2018. 628 p. Russian.
23. Bibilo VN. *Teoriya i istoriya prava, sudostroistva i ugolvnogo protsesssa* [Theory and history of law, judicial system and criminal process]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2020. 510 p. (Series «Nauchnye trudy belorusskikh uchenykh»). Russian.
24. Sil'chenko NV. *Teoriya verkhovnstva zakona* [Theory of the rule of law]. Minsk: Belaruskaya navuka; 2015. 288 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.10.2023.
Received by editorial board 12.10.2023.